

Кл $\frac{1}{28}$

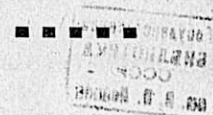
Проф. И. М. КУЛИШЕР

80Р-18

446

ОЧЕРК

ИСТОРИИ РУССКОЙ ТОРГОВЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АТЕНЕЙ»

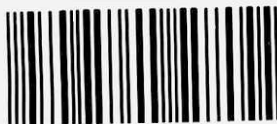
ПЕТЕРБУРГ

1923

Из коллекции
профессора
В. Э. Грабаря

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

17841-58

2007060793

Главлит № 5.006.

Отпечатано 5.000 экз.

Типография Коминтерна, Екатерингофский пр., № 87.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Источниками истории русской торговли являются весьма разнообразные памятники и литературные произведения современников. Для первой эпохи они заключаются в особ. в сочинениях арабских писателей (торговля с Востоком), договорах Руси с греками, содержащихся в летописи (торговля с Византией), для следующего периода—в трактатах и соглашениях Новгорода и северо-западных городов с немцами (помещенных в особ. в русско-ливонских актах, в Hanserecesse и в Hansisches Urkundenbuch), как и в статутах немецкого двора в Новгороде (скра), к которым присоединяются „Русская Правда“ и различные документы и грамоты того времени. Наконец, торговля XVI—XVIII ст. выясняется, наряду с законодательными актами (в особ. помещенными в Полн. Собр. Закон.), в сообщениях иностранцев, посетивших Россию (для XVI—XVII ст.), и в ученых произведениях тех из них, которые проживали в России (для XVIII ст.).

Автор пользовался всеми этими источниками, как и литературой по русской истории, истории права и (к сожалению, довольно бедной) истории торговли. Строго придерживаясь источников, он не только указывал используемый им каждый раз материал, но и старался по возможности знакомить читателя с самим первоисточником, как для проверки, так и для сообщения таким путем первичных данных по истории торговли.

В целях понимания последней, автор сопоставляет также русские институты с однородными явлениями в иностранных государствах, как и вообще с соответствующими эпохами

экономической истории Запада. Однако, в виду ограниченности места, эти параллели можно было проводить лишь вкратце, ссылаясь на сочинение автора „Лекции по истории экономического быта Западной Европы“, в 6-м, ныне выходящем, издании которого (особ. т. II, где отдел истории торговли XVI—XVIII ст. значительно расширен) все эти вопросы, касающиеся Западной Европы, подробно трактуются.

Декабрь 1922 года.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Торговля руссов с востоком в древнейшие времена.

Еще в 1847 г. известный ориенталист П. С. Савельев обратил внимание на арабские монеты, находящиеся в России, как на важный исторический источник для изучения сношений древней Руси с Востоком. Если, по словам Гиббона, на основании одних медалей можно установить путешествия императора Адриана, то и арабские монеты открывают исторические факты, о которых умалчивают летописи. Арабские или куфические монеты (от г. Куфы, где установлено старинное арабское письмо, употребленное для их надписей), которые начали чеканить в самом конце VII ст. (после Р. Х.), будучи немymi памятниками, все же подробно рассказывают нам о многих явлениях своего времени. Место чеканки, на них обозначенное, свидетельствует о том, что данный город в это время признавал власть определенной династии, и указывает на географическое протяжение государства; титулы эмира или султана и присутствие или отсутствие имени современного халифа на монете показывают отношение чеканившего к „повелителю правоверных“, духовному главе мусульманского мира; притязание владетеля или его наместников на независимость, явная вражда или разрыв его с халифом выражаются опущением имени последнего. Мало того, самое нахождение арабских монет в какой-либо стране уже означает факт сношений между ней и Востоком в данный период, ибо на Востоке монета, как эмблема верховной власти данного времени, перечеканивалась с восшествием на престол каждого нового халифа или султана.

В русской земле найдены „целые капиталы“ в куфических монетах VIII—XI ст. Населению негде было укрывать свои ценности в ином месте, как „в матери сырой земле“—она служила для них своего рода банком. Тщательно хранили свое добро близ дома или на берегу реки, они де-

лали тайный знак,—клали камень или садили дерево и открывали по ним свое сокровище. Но, в случае смерти их, „безответный банкир“ навсегда хранил вверенную ему тайну. В других случаях богатства буквально „хоронили“ вместе с их хозяином—и могильные холмы сохранили их до наших времен. Все эти монеты—серебряные, хорошо сохранившиеся, с четкими надписями. Часто они надрублены на-двое или на четыре части, разрезаны ножницами или разломаны—доказательство отсутствия мелкой монеты, которую должны были заменять части крупной—диргемов (никакой иной монеты не знали), способ, практикуемый, впрочем, в раннее средневековье и в Западной Европе („ломаная монета“) ¹⁾.

„Каким же образом и вследствие какого политического переворота эти огромные массы серебряных куфических монет перенесены были с берегов Каспия, Аму и Сыр-Дарьи и городов халифата в равнины России и на берега Балтийского моря?—спрашивает П. С. Савельев. Он не настолько наивен, чтобы приписывать все эти клады исключительно торговым сношениям Руси с Востоком, ибо ясно, что ценности могут переходить от одного народа к другому и всевозможными иными способами—путем дани, уплачиваемой покоренными племенами или народами, которые откупаются от нападений других, путем получения подарков, уплаты вира, оброков и сборов разного рода и в особенности посредством насильственного захвата, в качестве военной добычи. Савельев и указывает на то, что азиатские монеты VIII—XI ст. занесены частью торговлей с мусульманскими народами прикаспийских стран, частью вследствие грабительских набегов на берега Каспийского моря; монеты же африканско-арабские и испано-арабские попали благодаря норманнам, которые неоднократно грабили Испанию и Африку, а потом утвердились и на Руси.

Мало того, Савельев понимает, что для доказательства факта торговых сношений мало безмолвных свидетелей—монет, нужно еще нечто большее—подтверждение говорящих памятников, летописцев, в данном случае арабских географов X ст., которые в лице Ибн-Фодлана, Масуди, Истахри, Ибн-Хаукаля, Ибн-Ростеха и других много странствовали в нынешней юго-восточной части России и оставили нам описания своих путешествий, характеристику этих местностей и их населения. Лишь в том случае, если эти авторы действительно признают, что сношения между Востоком и русскими областями имели торговый характер, мы вправе утверждать, что клады эти были занесены именно таким, а не каким-либо иным способом.

¹⁾ Савельев. Мухамеданская нумизматика. 1846.

Но и поскольку Савельев таким путем устанавливает товарообмен Руси с Востоком, он все же считает нужным указывать на то, что последний шел рука об руку с походами, с кровопролитной борьбой, с захватом добычи. Так у арабов, торговля которых составляет исходную точку в исследовании этого вопроса, она шла рука об руку с завоеваниями. Магомет, „правда, убил поэзию народа, заменив ее Алкораном, зато развил его воинственность и его торговый дух“—и то и другое одновременно. Тот же самый араб, который с ожесточением дрался с „неверными“, не гнушался вступать с ними в обмен, потому что „куплю и продажу“ завещал пророк—„храм, рядом училище, перед ним рынок; это торговля и просвещение под покровом религии, могущество и слава халифата“ ¹⁾.

Но „торговые пути арабов прокладывало их оружие: каждое новое завоевание было новым рынком“. На западном берегу Каспия сидели хозары, „и они первые из народов России вступили в непосредственные сношения с арабами, сперва в битвах против них на берегах Аракса и в Закавказье, потом в торговле с ними на берегах Итиля (Волги)“. После того, как халифат завоевал ряд хозарских городов, хакан перенес свой шатер на берега Волги, и хазарской столицей стал Итиль, названный по имени реки и расположенный около нынешней Астрахани. По словам Ибн-Фодлана, хазарская столица состоит из двух частей, которые отделены друг от друга рекой; на западной стороне реки живут царь и его вельможи, на восточной—магометане, причем в этой восточной части живут купцы и находятся товары. У Ибн-Хаукаля также читаем: „Хазеран, имя восточной половины города Итиля, где находится большая часть купцов, магометан и товары; западная же часть исключительно для царя, вельмож и войска“. То же повторяет и Эль-Балхи ²⁾. Таким образом восточная часть Итиля или Хазеран, как она именовалась, составляла особую слободу, в которой жили иностранные купцы, отделенную от прочего города рекою. Это характерное явление для ранних эпох истории торговли и вполне понятное, если иметь в виду указанную нами тесную связь торговли с грабительскими набегам. Неудивительно, что население боялось впускать в пределы городской территории иноземцев, в которых оно привыкло видеть врагов; в данном случае воинственные арабы, многократно производившие набеги на хазар, даже будучи купцами, не могли внушать хозарам особого доверия.

¹⁾ Савельев, ук. соч.

²⁾ Fraehn. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foczlans Reiseberichten. Записки Имп. Акад. Наук. I. 583 сл. 588 сл. 602.

Поэтому то их держали в особой слободе по другой стороне реки, что являлось более безопасным.

Далее, арабы знали лежащую к северо-востоку землю буртасов (или бурдасов) в нынешней Симбирской губернии, о которых Ал-Бекри замечает, что „они имеют обширную страну и много торговых мест“¹⁾. Знали и граничащих с ними болгар. „Булгар—говорит Ибн-Хаукаль—небольшой город, не имеющий многих владений; известен же был он потому, что был гаванью этих государств“²⁾. Современные авторы не без основания понимают под гаванью торговый порт и складочное место (рынок, торговый центр)³⁾. В средневековой Англии „port“, во Франции „portus“ (порт) означало торговое место, рынок⁴⁾. Мы находим обычно соединение того и другого.

Относительно торговли приволжских народов Масуди сообщает, что караваны постоянно ходят с товарами из страны Болгар в Ховарезм и обратно, причем им приходится защищаться от кочевых тюркских племен, чрез страны которых они проходят. Из страны буртасов—продолжает он—живущих у этой реки, вывозят меха черных и красных лисиц, которые и называются буртаскими. Арабские и персидские цари ценят черные меха выше кунных, собольих и иных и делают из них шапки, кафтаны и шубы⁵⁾. О торговле хозар и арабов с приволжскими болгарями сообщает и Ибн-Ростех: хозары ведут торговлю с болгарями; когда приходят туда мусульманские суда, то с них берется десятая часть товаров в виде пошлины⁶⁾.

Город Булгар—говорит П. С. Савельев—был однако крайним пределом странствований арабов X века и самым северным пунктом торговли халифата; арабы не отваживались далее Булгара⁷⁾. Действительно, Джейхани, Истахри, Ибн-Хаукаль, Эль-Балхи—все в один голос утверждают, что купцы не осмеливаются ездить далее, к племени (русов) Арта или Артанья (Арсания), так как эти люди убивают немед-

¹⁾ Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. I. Пер. Ал-Бекри бар. Розена, стр. 62 (Прил. к т. 32. Зап. Имп. Акад. Наук, № 2. 1878).

²⁾ Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. 1870. Стр. 218.

³⁾ См. Вестберг. К анализу восточных источников о восточной Европе. Журн. Мин. Нар. Просв. 1908 г. XIII. 387. XIV. 3.

⁴⁾ Maitland. Domesday Book and Beyond 1897. p. 195. Pirenne. Villes, marchés et marchands au moyen-âge. Revue historique. T. 67, p. 75.

⁵⁾ Хвольсон. Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али-Ахмеда-Бен-Омар Ибн-Даста. 1869, стр. 163—164.

⁶⁾ Там же, стр. 160.

⁷⁾ Савельев. Мухаммед. нумизмат. XCIII.

ленно всякого чужестранца, между тем, как они сами путешествуют по воде и производят торговлю. Следовательно, сношения и с этим племенем существовали, только арабы не решились сами отправляться туда. Комментаторы указывают на то, что болгары намеренно представляли эту страну столь опасной и недоступной, чтобы удерживать восточных купцов от попыток лично проникнуть в эти страны, и таким образом сохранить торговлю с ними в своих руках; этот прием сопоставляют с подобным же образом действий финикийцев, которые также старались преувеличивать опасности предпринимаемых ими с торговыми целями путешествий¹⁾.

Но возникает вопрос, кто же были эти арты или эртсы (артсы)? Мнения писателей расходятся. Френ понимает под Эрсой Арзамас Нижегородской губернии, Савельев—эрзу или мордву, то же Георг Якоб и Маркварт. Хвольсон читает не Арсания, а Армания, и полагает, что опущена буква „б“ в начале, т. е. должно быть Бармания—Биарма, речь идет, следовательно, о пермяках на Каме. Наконец, Ф. Ф. Вестберг указывает на то, что те товары, которыми, по словам восточных географов, торговало это племя, исключают земли мордвы, а метят на Скандинавию, изобилующую металлами,—оттуда привозятся (по словам Эл-Балхи, Истахри, Джейхани, Ал-Хоросани и персидского автора X ст.) кроме черных собелей (и лисиц) свинец, олово, мечи и клинки²⁾.

Толкование этого места весьма существенно, ибо это племя является у упомянутых писателей одной из трех народностей, на которые распадается русы. Другие два племени русов находятся одно по соседству с Булгаром и царь его живет в Куябе, под которым понимают Киев, а другое—в Новгороде; это, повидимому, новгородские славяне, хотя и последнее далеко не выяснено.

Но о торговле русов с различными народами—хозарами, буртасами, болгарями арабские географы X ст. упоминают неоднократно. Так Ибн-Ростех рассказывает, что Русь привозит к болгарам свои товары, как-то: меха собольи, горностаевые и другие. Они ездят и в хозарскую столицу и продают и там меха и невольников³⁾. У Ал-Бекри читаем относительно болгар, что хозары ведут с ними торговые сношения и также русы⁴⁾. Я видел русов—сообщает Ибн-Фодлан—когда они пришли со своими товарами и расположились на реке Итиль. При этом они остановились не в самом городе, а на некотором расстоянии его, по Волге, (как по-

¹⁾ Хвольсон. Ибн-Даста, стр. 174.

²⁾ Grahn, p. 162. Савельев, CXIII. Хвольсон, стр. 174 сл. Вестберг, XIII, 398.

³⁾ Хвольсон. Ибн-Даста, стр. 160.

⁴⁾ Розен. Известия Ал-Бекри. 63.

добало—прибавим—иностранным, которых боялись допускать в город). Там они—продолжает он—оставались до тех пор, пока не успевали продать товары, но постоянно не проживали, а являлись лишь временно для торговли (быть может, на время ярмарки—также обычное явление в ранние эпохи культуры). Они молились—читаем далее—своим идолам, чтобы они послали им покупателей товаров, которые бы купили у них все и с ними бы не торговались и имели бы много динаров и диргем—продавали, следовательно, товары на звонкую монету¹⁾. Не ясно только, где их встретил Фодлан—в Хозарии или в Болгарии; как Итиль, так и Булгар лежали ведь по Волге. А. Я. Гаркави (еще до него Савельев) и Ф. Ф. Вестберг находят, что речь идет о Булгаре²⁾.

Но Масуди рассказывает о том, что русы имели в Итиле, хозарской столице, свои жилища, где жили купцы. Он же встречал восточных купцов, путешествующих в страну хозар, а оттуда по морям Майотас и Найтас (т. е. Азовскому и Черному) в земли русов и болгар. Таким образом, существовала и непосредственная торговля между страной русов и арабами, а не только между русами и хозарами или (вожскими) болгарями.

Кто же были эти русы? Только что упомянутый Масуди прибавляет: русы путешествуют с товарами в страну Андалус, Румию, Кустантинию и Хозар. Между ними есть многочисленнейшее племя, называемое лудажия; другие читают: „лудзана“, „мудгана“, „нурмана“ и толкуют в смысле лучан (Шарму), готландцев (де Гуге), ладожан (Френ, Савельев, Гаркави), наконец, норманнов (Хвольсон, Вестберг)³⁾. Последний обращает внимание на то, что на скандинавский мир указывает следующее сообщение Масуди: они (русы) образуют великий народ, не подчиняющийся ни царю, ни закону, т. е. у них нет политической организации, а это не соответствует условиям жизни русского народа в первой половине X ст. Далее говорится: „русы имеют в своей стране серебряный рудник“—но мы напрасно стали бы искать серебряных рудников на Руси в это время.

К числу наиболее ранних арабских источников, трактующих о русах (первый мусульманин, о них упоминающий), принадлежит „Книга путей и государств“ Ибн-Хордадбега. В противоположность приводимым выше авторам, он писал не в X, а в IX ст., именно, по Кунику, около 860 г. (по де Гоз

¹⁾ Гаркави. Сказания мусульманских писателей, стр. 93 сл.

²⁾ Гаркави. 108 сл. Савельев. LIX сл. Вестберг. XIV, 1 сл.

³⁾ De Goeje. Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Pars VIII, 141. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge. 1903, p. 342 сл. Хвольсон. 166—67. Вестберг. XIII, 380 сл. 390. Fraehn. 71. Гаркави. 155.

между 854 и 869), т. е. задолго до смерти Рюрика¹⁾. У него имеется глава под названием: „маршрут купцов русов“, которая начинается словами: „и они вид (род, племя) славян“. Из самых отдаленных частей страны Саклаба (под которой понимают славянскую землю) они направляются к морю Румскому (повидимому, Черное море) и продают там меха бобров (по другому толкованию: выхухоли) и черных лисиц, причем царь Рума (Византии) с них взимает десятую часть в виде пошлины (по одним толкованиям в Константинополе, по другим на Таврическом полуострове). Или же они отправляются по Тнаису, славянской реке (под которой одни разумеют Дон, другие Волгу) и доходят до хозарского города Камлиджа, где царь с них берет десятину. Иногда они везут свои товары на верблюдах в Багдад. Таким образом, купеческие караваны русов путешествовали двумя различными маршрутами: либо они отправлялись по Днепру к Черному морю, либо по Волге (а не Дону—это объяснение, повидимому, более правильно) к Каспийскому морю и затем далее в Багдад²⁾. Во всяком случае—как подчеркивает Ф. Ф. Вестберг—Ибн-Хордадбех представлял себе родину русов лежащею где-то на дальнем севере, на окраинах славянской земли, вблизи верховьев Волги—„из отдаленнейших славянских стран“, по Гаркави, означает из стран новгородских славян.

На это было обращено особое внимание в последнее время. Ибн-Ростех, Гардизи, Ал-Бекри, как и позднейшие комментаторы, изображают Русь прежде всего как племя, живущее грабежом, и лишь в дополнение к этому занимающееся торговлей; землю же они во всяком случае не пашут. „Русь имеет царя, который зовется Хакан-русь. Они производят набеги на славян; подвезают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хозеран (Итиль) и к болгарам и продают там. Пашен русь не имеет и питается лишь тем, что добывает в земле славян. Когда у кого из руси родится сын, отец берет обнаженный меч, кладет его перед дитятей и говорит: не оставлю в наследство тебе никакого имущества, будешь иметь только то, что приобретешь себе этим мечом“ (Ибн-Ростех)³⁾.

Мы имеем перед собой безусловно разбойничье племя, которое все добывает мечом и которое у других „силою от-

¹⁾ Известия Ал-Бекри. Ч. II. Куник. Разыскан. 5-ое, стр. 119—21.

²⁾ De Goeje. Geogr. Arabic. VI, 115. Известия Ал-Бекри, ч. II, 1903. Разыск. Куника. 129—31. Marquart, p. 31, 198. Вестберг. Журн. Мин. Нар. Просв. XIII, 370 сл. Гаркави. 49—54 сл.

³⁾ Бартольд. Отчет о поездке в среднюю Азию. Записки Имп. Акад. Наук по историч. отд. VIII серия, т. I, № 4, прил. стр. 123. Хвольсон, 34 сл., 152 сл.

нимает полезные предметы, чтобы они находились у них" (русов)—хотя и прибавлено, что они торгуют мехами. Указывается и на то, что „Русь живет на острове, окруженном озером; он нездоров и сыр до того, что стоит наступить ногою на землю, и она уже трясется по причине рыхлости от обилия воды“.

Ф. Ф. Вестберг указывает на то, что, согласно арабским писателям, русы должны жить на верховьях Волги, так как на среднем и нижнем течении Волги помешаются другие народы, как-то: булгары, бургасы, хозары, и он утверждает, что „разбойничье гнездо островных русов находится на севере восточной Европы в стране славян. В бассейне реки Днепра русы еще не проникли, во всяком случае не успели еще овладеть Киевом. Итак, автор нашего первоисточника писал не позже середины 50-х годов IX ст., еще до появления в Киеве Аскольда и Дира, которые (по Кунику) засели там по крайней мере около 855 года, если не раньше, ибо уже в 860 г. они предпринимают свой знаменитый поход на Византию“. По мнению его, остров русов совпадает с Holmgard (островной город) исландских саг, т. е. Новгородом. Здесь мы имеем начало русского государства. Источник подтверждает норманское происхождение древней Руси ¹⁾.

На этом вопросе останавливается А. А. Шахматов в своем посмертном исследовании о древних судьбах русского племени. Он указывает на то, что, начиная с VIII ст., Европа становится поприщем деятельности норманнов, т. е. жителей Дании, Норвегии и Швеции, которые совершают набеги на прибрежные страны, предаваясь вообще грабежу и насилиям, но в отдельных случаях стремясь и к покорению чужеземных народов, к насильственному среди них водворению. Путь их шел как на запад и на юг (к берегам Англии, Франции, Испании, в Средиземное море), так и в Балтийское море — в Курляндию, Ливонию, Эстляндию и Финляндию, но затем они достигли устьев Двины и углубились дальше, двигаясь по Волге. В то время, как византийских монет в Швеции и Готланде насчитывается только до 200, число арабских монет, найденных там, доходит до 24 тысяч и 14 тысяч обломков. Из этого исследователь этих монет Арн сделал вывод, к которому присоединяется А. А. Шахматов, что путь по Волге открыт скандинавами раньше, чем путь на юг в Византию по Днестру. Многочисленность этих монет в Швеции свидетельствует, по мнению последнего, что монеты эти попадали не только через посредство восточных купцов (арабов или хозар), отправлявшихся вверх по Волге, но что „клады эти собраны и скрыты самими готландцами, посещав-

¹⁾ Вестберг. Журн. 1908, XIV, 24 сл.

шими восточные страны, т. е. прежде всего юго-восточную Россию, где, по свидетельству археологических находок, процветали торговые сношения с Азией“ ¹⁾.

Каким способом добывались норманнами эти монеты? Хотя—как мы видели — арабские источники и упоминают о торговле русов с булгарами, бургасами, хозарами, но все же первостепенное значение эти писатели придают приобретению русами имущества мечом, а отнюдь не мирным обменом. Уже в IX—X ст. они создали и постоянные поселения — „административные центры, куда свозилась собираемая дань и награбленная добыча“. При этом, по мнению А. А. Шахматова, остров, на котором арабы полагали русское государство и который нездоров и сыр, и где земля трясется по причине обилия воды, означает не Новгород и вообще не обязательно остров, ибо под последним арабы могли разуметь вообще какую-либо из областей, ограниченных озерами, болотами, реками, которых на севере не мало и которые в известном смысле соответствуют представлению об острове. Он отдает предпочтение Старой Русе. Осевшие здесь варяги и называли себя русью. Западные финны и до сих пор называют Скандинавию „Русью“ (Ruotsi) ²⁾.

И С. Ф. Платонов придает большое значение этой гипотезе, согласно которой древнейшая Русь находилась между Ильменем и волжскими верховьями ³⁾. Отсюда уже вскоре после 839 года началось движение руси на юг—об этом свидетельствует то, что в 860 г. мы видим уже русских под стенами Царьграда. Этому походу должно было предшествовать более или менее продолжительное существование русской державы на юге, а чтобы утвердиться здесь, ей пришлось вести борьбу с хозарами и покорить силой оружия восточно-славянские племена, сидевшие на верхнем и среднем течении Днепра. В результате этой борьбы и завоеваний установился наряду с волжским путем и новый днепровский путь из варяг в греки, о котором сообщает первоначальная летопись. Она уже трактует о сношениях Руси с Византией, которые составляют второй период в истории России ⁴⁾.

¹⁾ Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. 1919. Стр. 43—45. Arne. La Suède et l'Orient. 1914, p. 89—90.

²⁾ Шахматов, стр. 50—56.

³⁾ Платонов. Руса. „Дела и Дни“. 1920, I. Стр. I сл.

⁴⁾ Шахматов, стр. 45, 58 сл.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Торговля Руси с греками на основании договоров X ст.

Торговля Руси с греками нам известна гораздо лучше, чем торговые сношения с арабами и народностями, жившими по Волге,—известна, главным образом, благодаря тем дошедшим до нас договорам, которые были заключены в X ст. русскими князьями с Византией.

Договоры эти, по словам А. В. Лонгинова, „представляют яркую картину древне-русской жизни“, „среди многочисленных, нередко противоречивых и запутанных известий“ того времени „блестят путеводною звездою“¹⁾. Это значение договоров с греками признавал еще в начале XIX ст. Шлецер, первый занявшийся изучением их. Но, заявляя, что договор Олега с императорами Львом и Александром „составляет одну из достопамятностей всего среднего века, что-то единственное во всем историческом мире“, Шлецер добавляет—если бы он действительно был, а не составлял, как и другие договоры Руси с Византией, позднейшую вставку, занесенную в начальную русскую летопись ее переписчиками, жившими едва ли не в XV столетии²⁾. К такому выводу Шлецер приходит на том основании, что летописные сообщения кажутся ему неправдоподобными, содержание договоров противоречит духу времени и условиям быта славян, византийские источники о них молчат и т. д. Летопись, повествуя о договорах с греками, „лжет и ребячится... В договоре Святослава видно что-то похожее на грамоту, но и это только изодранный лоскут“³⁾.

¹⁾ Лонгинов. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X веке. Историко-юридическое исследование. Зап. Имп. Одесск. Общ. истории и древностей. Т. XXV. 1904, стр. 395.

²⁾ Шлецер. Нестор. Русские летописи. Перев. Языкова. 1816. Т. II, 693—94.

³⁾ Шлецер. Т. II. 751—759.

Такая оценка А. Л. Шлецера, вызвавшая вообще сомнение в подлинности начальной русской летописи, была поддержана Каченовским, который объявил договоры с греками литературным подлогом, выдумкой частного лица, составленной по образцу византийских и ганзейских трактатов¹⁾. Другим авторам удалось защитить летопись Нестора от подозрений в подлинности ее²⁾; но договоры с греками все же признавались позднейшей вставкой, как утверждал С. М. Соловьев, почему они и считались непригодными для выяснения условий русской жизни X века. И В. И. Сергеевич в первом издании своих „Лекций и исследований по истории русского права“ 1883 г. утверждал, что „договоры сами по себе ничего не прибавляют к тому, что мы знаем уже о наших древних обычаях на основании других более чистых источников“. Он находил, что в „договорах все сомнительно и спорно“, что „ни один из них неизвестен византийским историкам“, что „поход Олега на Константинополь описан в русской летописи баснословными красками“³⁾.

Однако, еще Круг и Погодин отстаивали идею подлинности договоров с Византией. „Никто с таким успехом не защищал нашего Нестора и в особенности находящихся в его летописи договоров, заключенных между русскими и греками, как Круг“, говорит о нем другой историк и переводчик его Эверс⁴⁾. Погодин указывал на соответствие договоров сообщениям императора Константина Багрянородного и другим данным того времени. „Скажите,—говорит он по поводу одного места,—не разительное ли соответствие между всеми сими показаниями: импер. Константина, договорами, сохраненными у Нестора, и обычаям норманским, засвидетельствованным в их памятниках. Как подтверждается Нестор!“⁵⁾ После подробного анализа договоров Погодин заключает: „договоры подтверждают еще более подлинность летописи и ими по справедливости может гордиться русская история“⁶⁾. Впоследствии на анализе их подлинности остановился Д. Я. Самоквасов, указавший на то, что молчание византийских летописцев о договорах объясняется отсутствием византийских летописей от первой половины

¹⁾ Ученые Записки Московск. Университета 1853 г.

²⁾ Бутков. Оборона летописи русской несторовой от навета скептиков. 1840. Самоквасов. История русского права. I, стр. 21 сл.

³⁾ Сергеевич. Лекции и исследования по истории русского права. 1883. Стр. 99 сл. 113 сл.

⁴⁾ Kруг. Kritischer Versuch etc. 1810, p. 108. Рус. пер., стр. 147.

⁵⁾ Погодин. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. III. 1846. Стр. 254. Прим. 595.

⁶⁾ Погодин. О договорах русских князей Олега, Игоря и Святослава с греками. Русский истор. сборник. Т. I, кн. 4 (1838 г.), стр. 98—137 а также кн. 3, стр. 118—19.

Х ст., в „Истории“ же Льва Диакона, которая относится к тому же времени, о договоре Олега с греками упоминается ясно и неоднократно ¹⁾. Что же касается легендарности похода Олега на Константинополь, то баснословие его „коренится не в подлинном тексте его, а в его толковании Шлецером“, получившаяся „бессмыслица принадлежит Шлецеру, а не русскому летописцу“ ²⁾.

В виду этого, М. Ф. Владимирский-Буданов уже в 1888 г. признавал, что важнейшие основания для подозрения договоров с греками в подлинности отвергнуты, и эти договоры „имеют чрезвычайную важность для истории русского права“ ³⁾. И другие исследователи (Соколовский, Дмитриу, Лонгинов, Мулюкин, Мейчик) не возбуждали более сомнения в этом, и даже В. И. Сергеевич 20 лет спустя после того, как он совершенно отказался от договоров с Византией в качестве источников русского права, все же вынужден был признать, что в „настоящее время никто не отвергает достоверности договоров Олега, Игоря и Святослава“. Хотя „история договоров с греками—говорит он—представляет многие неясности“, но все же они являются весьма существенными в качестве „древнейших памятников наших международных сношений“, которые „дают нам новое право, пропущенное греческими понятиями“ ⁴⁾.

Конечно, при анализе содержания договоров возникает не мало споров и сомнений. Но этот упрек можно было бы

¹⁾ „По тексту греческой истории император Иоанн Цимисхий в переговорах со скифом Святославом ссылался на давний договор скифов с греками и на договор, нарушенный Игорем, отцом Святослава. В условиях Святослава, предложенных Цимисхию, по тексту истории Льва Диакона Калойского также упоминается о древнем законе, обязавшем греков признавать дружью русских купцов в Константинополе, которому соответствует содержание договора 945 г.“ (Речь проф. Самоковсова на торжеств. акте Варшавск. университета 30 авг. 1886 г. Варшавск. Унив. Изв. 1886, № 6, стр. 3, 9).

²⁾ Баснословным кажется, напр., Шлецеру „победоносное движение Олега к Царьграду на кораблях, поставленных на колеса и снабженных парусами“. На самом деле это была подвижная крепость, древне-русский „обозный град“ или „гуляй-город“, материалом для которого послужили лодки, поставленные на колеса. Или Шлецер считает невероятным сообщение о парусах, сделанных по приказанию Олега после победоносного похода на Византию, парусах „паволочных“ и „кропичных“, которые он толкует в смысле парусов из золотой парчи и крапивы. Но это были паруса из шелковой ткани, которыми, как известно из истории, победители многократно оснащали свои суда, и паруса из кропины (а не крапивы), т. е. из бумажной или спитцовой материи“ (Самоковсов. Варшавск. Унив. Извест. 1886 г. № 3. Стр. 4—7. Его же. Свидетельства современных источников о военных и договорных отношениях славяно-русов к грекам. Там же. 1886).

³⁾ Владимирский-Буданов. Обзор истории русск. права, 2 изд. 1888. Стр. 88.

⁴⁾ Сергеевич. Лекции и исслед. 3-е изд. 1903 г. 604.616.653.

сделать и большинству других исторических памятников. Наиболее спорным является вопрос о взаимоотношении между договорами. Их насчитывается четыре, из которых текст первого—договор Олега 907 г.,—не сохранился, а лишь изложен летописцем, тогда как текст остальных трех договоров—Олега 911 г., Игоря 945 г. и Святослава 971 г.—помещен в летописи, хотя и передан, повидимому, в редакции несколько попорченной и неполной. Сомнения возникали по поводу первого договора 907 г. В то время, как Срезневский, Бестужев-Рюмин, Соколовский, Пахман, Мейчик признают его вполне самостоятельным договором, Эверс считает его лишь предварительным соглашением ¹⁾, Г. М. Баран усматривает в нем документ, сочиненный на основании последующего договора 945 г. ²⁾, а А. А. Шахматов полагает, что он взят из состава договора 911 г. и перенесен летописцем в 907 г. ³⁾. И по мнению В. И. Сергеевича, ограничительные статьи, которые касаются торговли русских с Византией, не могли входить в договор 907 г., когда русские полчища стояли еще у ворот Константинополя—греки думали тогда лишь о том, как бы поскорей убрать Олега с его воинством со своей территории, но не могли вести никаких переговоров об условиях торговли. Но в то же время он не соглашается с тем, чтобы договор 907 г. имел предварительный характер в смысле установления общих начал для последующего окончательного мира, ибо это было бы слишком искусственно для первобытных условий того времени ⁴⁾.

Как бы то ни было, вопрос этот при изучении истории торговли имеет лишь второстепенное значение. Для нас важно признание подлинности договоров, заключенных русскими князьями с Византией, того обстоятельства, что содержание их дает нам действительно сведения о жизни X ст., а не сочинено впоследствии. Это позволяет рассматривать договоры в качестве источника, характеризующего торговлю Руси с Византией в древнейшую эпоху. Но заимствованы ли отдельные части договора 907 г. из последующих договоров того же X ст. и являлся ли договор 907 г. действительно таковым, а не проектом лишь договора или договором, устанавливающим лишь общие начала—это мало меняет дело торговли случае, и он указывает на то, как производилась Во всяком Руси с греками в рассматриваемую эпоху.

¹⁾ Эверс. Древнейшее русское право, стр. 135.

²⁾ Баран. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. 1910. Стр. 1 сл.

³⁾ Шахматов. Несколько замечаний о договорах с греками Олега и Игоря. Записки нефилологическ. общ. Т. VIII. 1914.

⁴⁾ Сергеевич. Лекции и исслед. по древн. истор. русск. права, 1903. Стр. 617 сл.

Договоры эти, как видно из летописи, являлись результатом предварительных военных походов русских князей на Византию. Еще А. Н. Егунов обращал внимание на то, что норманны, являвшиеся бичом для стран Запада („освободи нас, Боже, от ужасов норманнов“—молились они: а *fugate Normannorum libera nos, Domine*), попав в восточную Европу, нашли здесь мало соблазнительного, вследствие бедности населявших ее племен, но „зато она представляла другую и чуть ли не более важную выгоду: через нее пролегали живые, ближайшие пути на Восток и, что еще важнее, в Грецию, где уже в те времена было чем поживиться, было кого грабить“¹⁾. Действительно, мы видим, как грабительские набеги норманнов на Францию, Британские острова и другие страны Запада все более усиливаются: в 845 г. Карл Плешивый вынужден был заплатить им 7 тыс. фунтов серебра, спустя 9 лет они потребовали от него уже 685 фунтов золота и 3.250 фунтов серебра; в 988 г. Этельред отделился от них 9 тыс. ливров, а через 14 лет должен был уже заплатить 24 тыс. фунтов серебра, чтобы только избавить свою страну от разорения²⁾. Не иначе те же норманны или варяги действовали, укрепившись на Днепре (если только русы действительно были скандинавами, что, повидимому, в настоящее время считается наиболее вероятным—см. выше) и предпринимая оттуда походы на Византию—„беспрерывный ряд набегов на Константинополь, два столетия тяготевших над столицей Византии и вполне обнаруживших норманский характер тех, которыми совершались они“.

Уже спустя 20 лет после того, как в Киеве основалось новое русское государство, оно совершает поход на Царьград. На основании найденной венецианской хроники, двух речей патриарха Фотия по поводу русского нашествия и некоторых других свидетельств, выяснилось, что поход был для русских удачен, и, заключив мир под стенами Царьграда, они удалились от города³⁾. И Олег, овладев Киевом и заставив древлян, северян и радимичей платить ему дань, стал помышлять об исполнении заветной мысли—добыть золота и паволок греческих. Летописец подробно описывает, как „иде Олег на греки, Игоря оставив в Киеве“, что он там учинял и вытворял. „Много убийство сотвори около града Греком, и разбиша многи палаты, и пожгоша церкви; а их же имаху пленники, овех посекаху, другие же мучаху, иные же

растреляху, а другие в море вметаху, и на многа зла тво-ряху Русь Греком“. В результате греки предложили ему дань: „чего хоцещи дамы ти“, и Олег вернулся в Киев с богатой добычей, „неся злато, и паволоки, и овощи, и вина и всякое узорочье“. И на этом основании его прозвали вещим: „бяху бо людие погани и невеголоси“,—поясняет летописец⁴⁾. При этом Олег заключил в 907 г. соглашение с греками, касавшееся торговли Руси с Византией, а затем новый договор в 911 г. Эти договоры по своему содержанию в сущности свидетельствовали о том, что русские имели в виду посещать Византию и с мирными намерениями, хотя, надо сказать, из предыдущего (приведенного нами) изложения летописи такого намерения вовсе не видно. Все внимание греков при заключении договоров с Олегом „сосредоточено на том, как бы обуздать воинскую наглость Руси, как бы заставить ее приходить в Грецию с куплей и с миром“⁵⁾. „Греческое правительство должно было позаботиться об обуздании приезжавшей в Царьград Руси“⁶⁾.

Однако, несмотря на то, что мир с Византией был установлен, как только Олега заменил Игорь, договор потерял всякое значение и Игорь с своей стороны пошел „на Греки“ и стал творить те же неистовства, которые производил до него Олег: „гвозди железныи посреди главы вобивахуть им, много же святых церквий огневи предаша, монастыре и села пожгоша“ и при этом, конечно, „именя немало от обою страну взяша“⁷⁾. Греческий огонь заставил его вскоре возвратиться „восвояси“. Но Игорь не унывал, а „пришед нача совкупляти вое многи“ и снова „поиде на Греки, в лодьях и на коних, хотя мьстити себе“. Греки, узнав об этом, начали просить, „глаголя: не ходи, но возьми дань юже имал Олег придамь и еще к той дани“. Игорь стал советоваться с дружиной. Последняя решила—неизвестно еще, „кто весть, кто одолеет, мы ли, оне ли“; к чему нам воевать, раз мы можем „не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки“. Игорь послушался дружины, взял у греков злато и паволоки и отправился домой⁸⁾. Цель ведь была достигнута, дань получена. В следующем 945 году был заключен новый мирный договор с греками.

То же повторилось при Святославе. Он заявил грекам „хочю на вы ити и взяти град ваш“. Они предложили ему не ходить, а взять дань, но не дали, и Святослав стал „грады

¹⁾ Егунов. Торговля древнейшей Руси. „Современник“. 1848. Кн. X. Стр. 94—95.

²⁾ Запис. Одесс. Общ. Ист. и Древн. I. 176 сл.

³⁾ Лопарев в Визант. Временнике. 1895. Ч. II, стр. 581 сл. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени, стр. 60.

⁴⁾ Летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. Археограф. Комисс. 1872. Стр. 29—31.

⁵⁾ Егунов. „Современник“. 1848. X. 110.

⁶⁾ Сергеевич. Лекции и исслед. 629.

⁷⁾ Лаврент. летоп. 43.

⁸⁾ Там же. 45.

разбивать". После этого он получил дань, почти дойдя до Царьграда. „Взя же и дары многи и возвратися в Переяславец с похвалою великою". Но, желая „иметь мир и совершену любовь со всякимъ великимъ царемъ Гречьскимъ", и он заключил договор—уже четвертый—с Византией 971 г. ¹⁾).

Любопытны и последующие факты, сообщаемые летописью. Когда Владимир св. отказал варягам в выкупе, они потребовали от него, чтобы он, по крайней мере, показал им „путь в Греки", где бы они, очевидно, могли вознаградить себя ²⁾. Тот же Владимир стал в 988 г. добиваться руки греческой царевны Анны. Она на это ответила „луче бы ми зде умерети". Но братья стали ей объяснять необходимость согласиться: „Гречьскую землю избавиши от лютыхъ рати; видиши ли колько зла створиша Русь Греком и ныне аще не идоши, тоже имут створити нам" ³⁾. Греки, видно, весьма боялись Руси, ожидая от нее всякого зла, а Русь смотрела на Грецию, как на источник легкой наживы.

„Известно—говорит Егунов—что в истории всех почти торговых народов, от древних арабов до нынешних англичан включительно, торговля всегда прокладывала себе пути оружием, войной; но известно также, что недолго продолжалась такая дружба между торговлей и войной; скоро первая, в свою очередь, об'являла войну последней... Далеко не так было у нас". Единственной целью всех походов на Грецию являлась дань. „Имете ли ся подань"—вот общее и единственное требование всех наших князей. Удовлетворялось ли это требование их в самой Греции или на половине пути—все равно: в том и в другом случае цель была достигнута и князья возвращались домой. Что же касается торговли, то, по мнению того же автора, „торговля в предпринимчивых походах наших предков не только занимала далеко не первое место, но даже именно она служила для них одним из средств скрыть свою удаль. И вот важнейшая причина, почему, с одной стороны, Греция так нелицемерно жаждет мира в сношениях с Русью, с другой, почему наши князья так охотно и так самонадеянно сулят этот мир Греции, прикрывая его разными формами... В самом деле, основная мысль договоров не имеет ни малейшего соотношения с торговлей: у Олега „греци почаша мира просити", а не торговли; Игорь точно также обновляет „ветхий мир"; наконец, и Святослав говорит: „хочю имети любовь с царем", а не торговлю. О последней не заикнулась ни одна из договаривающихся сторон. Греция ищет мира, Русь хочет дани" ⁴⁾.

¹⁾ Лаврент. Летоп. 68—71.

²⁾ Там же. 77.

³⁾ Там же. 107—08.

⁴⁾ Егунов, стр. 102—04.

Однако то обстоятельство, что в договорах в качестве цели заключения их указан мир, а не торговля, еще ровно ничего не доказывает. Мир являлся необходимым условием торговли, он обозначает нечто более общее, из чего затем вытекала возможность достижения и более специальных целей, в том числе возможности торговать. Грекам нужно было обезопасить себя от нападений Руси, заменить насилия их мирным обменом. Они готовы были давать Руси то же зло, то, те же паволоки и другие предметы, но без того, чтобы Русь предварительно жгла и грабила страну, мучила и „в море метала" жителей („не погубляй града"), и с тем, чтобы князья с своей стороны давали в обмен за получаемые от греков товары свои—невольников, воск и меха. Ради этого они и заключали договоры. В последних мы находим ряд статей, касающихся именно торговли, так что отрицать эту цель нет основания.

Больше всего о торговле говорится именно в первом договоре 907 г., где греки ставят следующие условия русским, приезжающим в Царьград: „Аще придуть Русь бес купли, да не взимають месячины; да запретить князь словом своим приходящим Руси зде, да не творять пакости в селех в стране нашей; приходяще Русь да витають у святаго Мамы и послеть царство наше и да испишють имена их и тогда возьмутъ месячное свое,—первое от города Киева и паки ис Чернигова и ис Переаславля и прочий гради; и да входятъ в град одними вороты со царевым мужем, без оружья, мужъ 50 и да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же" ¹⁾.

Здесь мы находим прежде всего общее правило, чтобы Русь, являясь в Византию, „не творила пакости", не занималась вместо торговли грабежом и насилиями. Мало того, в целях предосторожности, приезжающим в Царьград купцам предоставляется жить только в предместьях у монастыря св. Мамы, но отнюдь не в городе; они предварительно переписываются греческими властями („да испишють имена их"); они могут входить в город только через одни определенные ворота, партиями не более 50 человек, без оружия и в сопровождении царева мужа, т. е. греческих властей. Все это устанавливается „да не творять пакости в стране нашей". „Греки побаивались Руси—поясняет В. О. Ключевский,—даже приходившей с законным видом" ²⁾.

Когда А. Н. Егунов заявляет, что „все эти предосторожности, очевидно, не могли бы иметь места, если бы договор

¹⁾ Лаврент. летоп. 31.

²⁾ Ключевский. Курс рус. истории. I. 188.

этот был торговый договор" ¹⁾), — то он этим доказывает лишь незнакомство с характером торговли в ранние эпохи. Такие меры, как обязанность иноземных купцов селиться за городом или по другой стороне реки, протекающей через город, на островке, или во всяком случае подальше от прочего населения в предместьях, — находим везде и повсюду на Западе в средневековую эпоху ²⁾. Мы видели это в хазарской столице Итиле, увидим в отношении немецких поселений на Руси. Первоначально новгородцы даже, повидимому, не впускали немцев в город, а торговля происходила в Гостинном поле, которое было, как можно думать, островом на Волхове. В Пскове немецкое торговое подворье находилось в предместье на левом берегу р. Великой и немцам запрещалось переходить на другой берег реки в город ³⁾. Точно также требование приходить в город без оружия, ходить по городу не иначе, как в сопровождении местных властей, устанавливается сплошь и рядом в отношении иностранцев — последнее нередко и в видах защиты их самих от нападения местного населения. Еще ранее, по приказу греческого императора, франки толпою не смели посещать город, но могли входить по 5 или 6 человек ⁴⁾. Самое пребывание русских купцов имело лишь временный характер — они получают месячное содержание, причем в требованиях, предъявляемых Олегом, говорится о том, что эта „месячина“ в виде хлеба, вина, мяса, рыбы и овощей должна им выдаваться на 6 месяцев ⁵⁾. Очевидно, такой порядок выдачи припасов на полгода установился, он сохранен и в договоре Игоря 945 г. Здесь говорится, что русские не могут „зимовать у святого Мамы“, как и „в устье Днепра“, Белобережи, ни у святого Ельферья; но егда придет осень, да идути в дома своя в Русь“ (ст. 2. 10) ⁶⁾, ⁷⁾. И это соответствует рассматриваемой эпохе — речь идет о временных поселениях иностранных купцов, караваны которых появляются в определенные вре-

¹⁾ Егунов, стр. 105.

²⁾ Кулишер. Лекции по истории экономич. быта Зап. Европы. Изд. 6-е. Т. I. 1922. Стр. 194.

³⁾ Buck. Der deutsche Handel in Nowgorod. 1895, p. 11. Winckler. Die deutsche Hansa in Russland, p. 11 сл.

⁴⁾ Лонгинов. Зап. Имп. Одесс. Общ. Ист. и Древн. XXV. 453.

⁵⁾ Насколько важна была упомянутая льгота (выдачи припасов), видно из того, что в 941 г. руссы вынуждены были возвратиться из Греции за недостатком продовольствия (Лонгинов, 471).

⁶⁾ Лаврент. летоп. 50. Договор напечатан у Владимирского-Буданова. Хрестоматия по истор. русс. права. I.

⁷⁾ В рассказе имп. Константина о путешествиях Руси в Царьград упоминается указанный здесь остр. св. Еферия в устье Днепра и река Белая (см. Погодин. Русск. историч. сборн. I, кн. 4, стр. 114). По Лонгинову (стр. 471), Белобережье есть Белобережань, нынешний остров Березань.

мена года и по распродаже товаров возвращаются обратно ¹⁾, так что по этому договору 945 г. Руси не дозволяется зимовать не только в Царьграде, но и в весьма отдаленном от него устье Днепра — они обязательно должны отправляться домой. Так велик был страх греков перед насилиями со стороны руссов, они желали иметь их возможно дальше от Черного моря, где купцы легко превращались в пиратов.

В правах русских, оговариваемых Олегом, прибавлено также, „да творять им мовь, елико хотять“. Имеются в виду баня и пользование колодцами в Царьграде. Баня являлась исконным русским обычаем. Ольга „веле деревлянам мовь сотворити“. Одинаковое с русскими разрешение пользоваться пресной водой для мытья получили венецианцы и генуэзцы по договорам с греками. По возобновленному договору с Исааком Ангелом 1192 г. генуэзцам разрешалось набирать воду из цистерн для домашнего употребления, но с тем, чтобы они не засаривали и не загрязняли их купаньем скота ²⁾.

Приведенные выше постановления договора Олега 907 г., устанавливающие условия пребывания русских в Царьграде и предохраняющие греков от насилий, повторяются и в договоре Игоря 945 года (ст. 2) ³⁾.

Впрочем, отчасти упомянутая 2-я статья договора 945 г. отклоняется от договора 907 г. Исключено упоминание о беспешинной торговле русских; из фразы „да творять куплю якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же“, последние слова „не платяче“ и т. д. отпали. Купленные паволоки „да показываеь цареву мужю и то е запечатаеь и дасть им“. Обязанность предъявлять купленные товары цареву мужу наводит на мысль о том, что это делалось не только для накладывания им клейма на товары, но и для взимания сбора с купленных товаров. „Царев муж“ фигурировал в качестве своего рода посредника между местным населением и Русью (своего рода маклера) для устранения непосредственных сношений между ними, как это было в рассматриваемую эпоху и в Западной Европе и на Востоке. Но задачей та-

¹⁾ Мейчик. Русско-византийские договоры. Журн. Мин. Нар. Просв. Окт. 1915. Стр. 302.

²⁾ Лонгинов, 452.

³⁾ Это и навело некоторых авторов на мысль, что весь договор 907 г. заимствован из этой 2-й статьи договора 945 г. последующим переписчиком летописи и вставлен им под 907 годом. Напротив, Владимирский-Буданов утверждает, что эта статья есть не что иное, как повторение договора 907 года (Хрестоматия, 12). Во всяком случае наличность приведенных постановлений в договоре 945 г. существенна для нас, ибо никаких сомнений в том, что последний договор во всяком случае является подлинным, не может быть.

кого посредника являлось и следить за уплатой иностранцами торговых сборов. Наконец, „царев муж“ являлся, по видимому, и судьей в столкновениях между русскими и греками, который чинит управу при всякой совершенной кривде („кто от руси или от грек створить криво, да оправлять то“) ¹⁾.

В ст. 2-й договора 945 г. установлено еще новое ограничение для русских купцов: они могут „купити паволок лишь по 50 золотник“. Такое стеснение в отношении приобретения паволок (не более чем на 50 золотых на каждого) находим в Византии и в отношении купцов других национальностей (напр., в договоре с Болгарией 715 г.) ²⁾.

Прибавлена и дальнейшая предосторожность со стороны греков — приходившие в Царьград русские послы и гости обязаны иметь при себе грамоты от князя и бояр с указанием числа отправленных судов, в доказательство того, что „с миром приходят“. „Требование греков в договоре с Игорем, чтобы все мореходы российские—говорит Карамзин по этому поводу—предъявляли от своего князя письменное свидетельство о мирном их намерении, имело без сомнения важную причину: ту, кажется, что некоторые россияне под видом купечества выезжали грабить на Черное море, а после вместе с другими приходили свободно торговать в Царьград. Надобно было отличить истинных купцов от разбойников“ ³⁾. Такая выдача грамот купцам вообще практиковалась в те времена: по договору греков с дунайскими болгарами 715 г. в обеих странах купцов надлежало снабжать грамотами и печатями, в противном случае товары отбираются; в договоре Владимира св. с волжскими болгарами 1006 г. русским и болгарам предоставлено торговать по Волге и Оке с выдачей и тем и другим печатей. И впоследствии представление таких письменных свидетельств, выданных на родине купца, было обязательно для приезжих иностранцев в качестве удостоверений личности ⁴⁾.

Корабли посылаются в Византию—согласно этой статье—князем и боярами. Они отправляют послов и гостей, т.е. своих собственных приказчиков и вольных гостей ⁵⁾. „А великий князь русский и бояре его да посылають в греки к великим/ царем гречьским корабли, елико хотять, со слы (с послами) и с гостями якоже им уставлено есть“ (т.е.

¹⁾ Сергеевич, 637.

²⁾ Лонгинов, 472.

³⁾ Карамзин. Ист. госуд. Российск. I. 245.

⁴⁾ Эверс. Древн. русск. право, стр. 220. Погодин. I. 4. Стр. 115—16. Лонгинов, стр. 464.

⁵⁾ Ключевский. Курс. I. 185.

как установлено—по толкованию Владимирского-Буданова,—в договоре 907 г.). „Дань, которую собирал киевский князь, как правитель,—поясняет В. О. Ключевский,—составляла в то же время и материал его торговых оборотов: став государем, как конинг, он, как варяг, не переставал еще быть вооруженным купцом“ ¹⁾.

Спорным является вопрос относительно толкования ст. 8 договора 911 г., отменяющей береговое право. Последнее, как указывает Д. М. Мейчик на основании источников, практиковалось в Византии еще в XII ст., причем суда, выбрасываемые бурей, подвергались разграблению не только тогда, когда они принадлежали иностранцам, но, по видимому, и будучи собственностью туземцев. Правительство пыталось бороться с „безумным обычаем“, согласно которому прибрежные жители не только не оказывали никакой помощи кораблю, застигнутому бурей, а напротив, хуже всякого урагана разносили и расхищали все, чего не унесло море“. В договорах, заключенных Византией с различными государствами, корабельщикам, потерпевшим крушение, предоставляется возможность спасать и продавать свой груз, местные же жители должны оказывать им помощь и получают за это вознаграждение ²⁾. И в ст. 8 договора 911 г. говорится о таком случае крушения греческой ладьи, и если при этом случается кто-либо из русских, то он обязан спасать (или охранять) ладью с грузом и провожать ее в землю христианскую (греческую) до безопасного места. Однако, неясно, где выброшен корабль и что следует понимать под „чужой“ землей („аще вывертена ладья будет ветром великом на землю чюжую“). А. В. Лонгинов полагает, что чужая земля есть для греков земля русская, для русских—земля греческая, так что обе стороны взаимно гарантируют друг другу помощь при кораблекрушении, тогда как он считает невозможным подводить под чужую землю страну третьего народа, ссылаясь при этом на другие договоры—нигде место разбития судна не переносится за пределы дружественной державы ³⁾. В этом смысле понимает эту статью и Г. М. Барац, переводя дальнейшую фразу „аще ли ключится тако же проказа лодыи Рустей, да проводим ю в Рускую землю“ словами: „равным образом такую же помощь должны оказывать и греки, если подобное несчастье случится русскому кораблю близ земли греческой“ ⁴⁾. Напротив, А. С. Мулюкин утверждает, что чужая земля есть

¹⁾ Ключевский. I. 185.

²⁾ Мейчик. Журн. 1916. Ноябрь. 71 сл.

³⁾ Лонгинов. 545—46.

⁴⁾ Барац. 131.

именно третья страна, а не греческая и не русская. Говорится об обязанностях русских, оказавшихся на месте крушения ладьи, отослать ее в Грецию, а также о том, что крушение произошло „близ земли Грецькы“ — значит, это не греческая земля. Но это и не земля русская, на что указывает случайное нахождение на месте крушения ладьи русских и налагаемая на них обязанность проводить ладью „в Рускую землю“¹⁾. Наконец, Д. М. Мейчик полагает, что статья имеет односторонний характер, устанавливая обязанность только сопровождения русскими греческой ладьи, подвергшейся крушению, но не предоставляя тех же прав русским. Он указывает на то, что хотя в статье и упоминается о русской ладье, но последняя могла означать ладью греческую, отправляющуюся в Русь, подобно тому, как впоследствии на Руси называли гречниками русских купцов, торговавших в Греции²⁾ ³⁾.

Статья эта во всяком случае любопытна в том смысле, что свидетельствует о готовности не только Византии, но и Руси уже в X ст. отказаться от берегового права и оказывать при кораблекрушении всякое содействие к спасению товаров и к возвращению их владельцам. Но утверждать,

¹⁾ Мулюкин. К вопросу о договорах русских с греками. Журн. Мин. Юст. 1906. Сент. 101.

²⁾ Мейчик. Ноябрь. 64—65.

³⁾ Столь же спорно и окончание статьи. В тексте говорится: „аще ли ключится тако же проказа лодьи Рустей, да проводим ю в Рускую землю и да продають рухло тоя лодья и аще что может продати от лодья, воволочим им мы Русь, да егда ходим в Греки или с куплею или в солбу к цареву вашему, да пустим я с честию проданное рухло лодья их“. Соловьев переводит его так: если беда приключится близ земли русской, то корабль проводят в последнюю, груз продается и вырученное Русь привезет в Царьград, когда придет туда для торговли или посольством; следовательно, речь идет о русских, продающих груз и доставляющих вырученную сумму. Напротив, по Д. М. Мейчику (стр. 68—69), греки да продают груз этой ладьи на Руси, если что может быть продано, а с лодьи стащим его (груз) мы, Русь. Когда же Русь отправится в Грецию с посольством или с товарами, то отпустим греческих купцов с миром и с вырученными ими деньгами.

В передаче Соловьева смысл вполне ясен, но переводить слова „пустим я с честию проданное рухло их“ словами „вырученное Русь принесет в Царьград“ довольно рискованно. Вторая передача точнее, и в указании на право греков продать на Руси свой груз и увести вырученные деньги нет ничего странного. Необходимо было—как это делалось в других договорах, трактующих об отмене берегового права,—особо подчеркнуть, что спасенный с корабля груз принадлежит его владельцу и последний может распорядиться им по своему усмотрению. Но непонятно, почему греки оставляются на Руси до отправления в Византию руссов с посольством или с товарами. Быть может, такое сопровождение греков Русью имело место в целях безопасности путешествия.

что она не имела действия на Руси, как это делает А. С. Мулюкин, после изложенного было бы трудно. Есть основания предполагать, что она именно относилась к грекам, приезжавшим на Русь, и в этом отношении—как справедливо указывает В. И. Сергеевич,—является единственной, распространяющей действие договора 911 г. за пределы греческой территории. „Статьи частного международного права—продолжает В. И. Сергеевич—предназначались для действия только в пределах греческой территории и притом в столкновениях русских с греками, а не русских между собой; до споров русских с русскими грекам, конечно, не было никакого дела“. На греках лежала трудная задача. „Надо было обеспечить спокойствие Константинополя и его окрестностей и в то же время удовлетворить русских, обычаи которых именно и угрожали спокойствию и безопасности греческих подданных“. С одной стороны, греки сохраняли русские обычаи, поскольку они были терпимы, и даже ссылались на русский закон, „чтобы северные варвары видели, что в договорах содержится их право“. А с другой стороны, поскольку русские обычаи противоречили условиям культурной жизни, „их надо было искусно обойти и замечать началами греческого права“. Во всяком случае, хотя „в самых договорах нет прямого постановления, в котором бы определялось место их применения, но из взаимных отношений договаривающихся сторон и из некоторых выражений договоров надо заключить, что составители их, определяя частное право греков и руси, имели в виду только греков и русь, находящихся в пределах греческой территории. Русь часто и в значительном числе приезжала в Константинополь, оставалась там подолгу и вела себя не совершенно спокойно... Но если греки и приезжали в Русь, то весьма редко и в небольшом числе. Как наши, так и иностранные источники говорят только о поездках греческих послов в Русь; о пребывании же греков в Руси по своим делам указаний не встречается“¹⁾.

На этой точке зрения стоят и другие авторы. „Здравый смысл—говорит А. Дмитриу—требует того, чтобы та сторона возбуждала вопрос о сделке, которая наиболее в ней нуждается. Что касается договора 911 года, то заинтересованной стороной несомненно была Византия, а не Русь, для которой в то время даже выгоднее было быть свободной от всяких уз и препятствий в своих стремлениях к добыче“²⁾.

¹⁾ Сергеевич. 629—33.

²⁾ Дмитриу. К вопросу о договорах русских с греками. Визант. Временн. 1895. Стр. 542.

„Русь ездила в Грецию, но не греки в Русь—подчеркивает А. С. Мулюкин. В договорах нигде нет указаний, чтобы какое-нибудь из их постановлений имело применение в России, что при многочисленности указаний на место действия статей и в Греции, и в Корсунской стране, и „на каком-либо месте“, и в устье Днепра и в земле чужой,—словом, где угодно, только не на Руси, — более, чем странно“. В самом деле, какой интерес для греков в смысле торговли могла представлять бедная Русь того времени? „Сам знаменитый путь из Варяг в Греки... назывался путем в Грецию, а не из Греции; им пользовались не греческие купцы, а бесшабашная вольница, которая столько же намеревалась торговать, сколько и грабить. Для греков не было надобности пускаться в опасные приключения торговли по этому пути, когда все, что им было нужно с севера, само являлось к воротам Царьграда и столь настойчиво просило о торговле с ними, т. е. о размене привезенного на золото и паволоки, что грекам приходилось обуздывать наглость являвшихся оружием и договорами. Такое именно значение имели договоры Олега и Игоря“¹⁾.

Как мы видим, наука, сделавшая большие успехи с тех пор, как писал, А. П. Егунон в „Современнике“, все же немногим изменила свой взгляд на сношения Руси с Византией в наиболее раннюю эпоху. Если Егунон в 1848 году утверждал, что Русь имела в виду не торговый обмен, а добычу, то и новейшие исследователи считают нужным подчеркнуть, что Русь „столько же намеревалась торговать, сколько и грабить“ (Мулюкин), что она, „прибывая в Византию, обнаруживала стремление к добыче“ (Димитриу), что грекам необходимо было „позаботиться об обуздании приезжавшей в Царьград Руси“ (Сергеевич).

Характер путешествий руссов в Византию можно усмотреть из описаний византийского императора Константина Багрянородного, жившего в X веке. Подвластные руссам славянские племена вырубает зимою в горах лес и строят из него ладьи, а когда растает лед, отводят их в близлежащие озера, сплавляют до Киева и здесь вытаскивают на берег и продают руссам. Руссы покупают одни остовы судов, весла же, уключины и другие снасти берут сами из старых судов. Снарядив таким образом суда, руссы спускаются по Днепру до Витичева, платящего им дань, и, прождав здесь два-три дня, пока соберутся однодеревки (лодки) из отдаленных местностей, отправляются в путь. Первый днепровский порог Ессупи, к которому они подходят, очень

узок и имеет высокие и острые камни, которые издали кажутся островами; руссы не решались плыть прямо через порог, а останавливались на некотором расстоянии от него, выходили на берег, оставив груз на судах, а затем, ошупав дно босыми ногами, с великой осторожностью проводили суда чрез это узкое место между торчащими камнями и берегом. Таким же образом они проходили второй и третий порог и достигали четвертого, где оставляли часть своей дружины на страже из-за печенегов, вытаскивали из лодок груз и высаживали скованных невольников, которых вели на расстоянии 6 тыс. шагов, пока не миновали порога. Прочие же тянули суда волоком или несли их на плечах, а за порогом спускали их опять в воду, снова погружали и плыли далее. Минувя остальные пороги, руссы подходят к карийскому перевозу, куда являются печенеги для нападения на них. Затем подезжают к острову св. Григория, после чего им не приходится опасаться печенегов уже до самой реки Селины. В четыре дня достигают устья Днепра, где находится остров св. Эферия, здесь отдыхают два-три дня и в это время снабжают суда парусами, мачтами, веслами, которые привозят с собой, а затем продолжают путь к реке Селине, рукаву Дуная. Но тут их снова со всех сторон окружают печенеги, и если, как нередко бывает, вода прибьет однодеревку к берегу, то все выходит из нее, чтобы общими силами вступить в борьбу с печенегами. Переплыв Селину, руссы входят в устье Дуная, из Дуная проходят через Конопу, а затем Констанцию к рекам Варне и Дипине, которые все текут по стране болгарской. Оттуда они направляются в область Месемврийскую и таким путем совершают свое трудное, исполненное опасностей и препятствий, путешествие¹⁾.

К этому имп. Константин прибавляет, что зимою, с наступлением ноября, князья руссов со всем народом покидают Киев и отправляются в другие города или в земли древлян, дреговичей, кривичей, северян и прочих славян, им подвластных. Здесь проводят они зиму, а когда вскрыется Днепр, возвращаются обратно в Киев и, собрав свои суда и надлежащим образом снарядив их, ибо их могут тревожить печенеги, совершают указанный путь в Грецию.

Как бы мы ни относились скептически к торговле руссов с Византией, но нельзя отрицать того, что независимо от приведенных выше статей договоров, трактующих о торговле, и в этом путешествии, описанном Константином, имеется не что иное, как плавание с торговой целью. Тот

¹⁾ Мулюкин. Журн. Мин. Юст. 103—04.

¹⁾ Memor. Popul. Stritter. II, p. 975 сл. § 34 сл.

груз, который руссы у первого порога оставляли на судах и который у четвертого порога нагружали (вещи—*ges*), состоял не из одних только припасов на время пути и снастей, которыми они снаряжали суда на острове Эферия¹⁾, но несомненно также из товаров, везомых в Византию. Таким же товаром являлись и упоминаемые Константином закованные невольники. С какой стати их везти в таком виде, если не для продажи? И вообще из всего описания путешествия получается впечатление, что оно производилось с торговой целью; на военный набег оно совершенно не походит. Другое дело, что главным товаром, доставляемым в Византию, являлись, повидимому, эти невольники, а остальные товары были результатом тех зимних путешествий князей по покоренным землям, которые совершались ради получения дани (полюдия).

Читая этот рассказ императора,—говорит В. О. Ключевский,—легко понять, какими товарами грузила Русь свои торговые караваны лодок, сплавлявшихся летом к Царьграду: это была дань натурой, собранная князем и его дружиной во время зимнего объезда, произведения лесных промыслов, меха, мед, воск. К этим товарам присоединялась челядь, добыча завоевательной дружины²⁾.

Киевский князь „делился со своей дружиной, которая служила ему орудием управления, составляла правительственный класс. Этот класс действовал, как главный рычаг, в том и в другом обороте, и политическом, и экономическом: зимою он правил, ходил по людям, побирался, а летом торговал тем, что собирал в продолжение зимы... К торговому каравану княжескому и боярскому примыкали лодки и простых купцов, чтобы под прикрытием княжеского конвоя дойти до Царьграда“.

Вообще все путешествие, как заметил еще Погодин, было столь же торговым, как и военным, ибо каждый раз приходилось отбиваться от печенегов; неудивительно, что „торговые караваны имели характер военный“³⁾. Но они были военными не только в виду необходимости отражать нападения, но и потому, что караван и сам производил нападения—переход от обороны к наступлению был весьма прост и легок. Это вполне соответствовало характеру деятельности норманнов.

„Северные викинги занимались торговлей и разбоем одновременно, иногда отправляясь для грабежа, иногда для

обмена и нередко торговые путешествия у них соединялись с военными плаваниями. В таком случае они заключали перемирие с прибрежными жителями тех местностей, куда они приставали, чтобы торговать с ними, обменивая одни товары на другие. Но как только обмен заканчивался, назначенный для него срок приходил к концу, мир снова прекращался и снова возобновлялись военные действия“¹⁾.

Так поступали, повидимому, и руссы—те же норманны. И по поводу руссов имп. Константин говорит, что они приходят в Царьград *sive belli sive commercii causa*—ради войны или ради торговли²⁾.

¹⁾ Так это объясняет Егунов („Современн.“ 90 сл.).

²⁾ Ключевский. I. 185.

³⁾ Погодин. Исслед. III. 252—53.

¹⁾ Стрингольм. *Egills saga*. I. 237. Погодин. III. 254.

²⁾ *Memor. popul.* II, p. 981 § 34.